

УДК 94(470.32).083

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ И ЗАБАСТОВКИ РАБОЧИХ НА ВОРОНЕЖСКИХ ЗАВОДАХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СТРАХОВ Леонид Витальевич,
аспирант кафедры истории России,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу борьбы общей и политической полиции Воронежской губернии с забастовочным движением на оборонных предприятиях в 1914–1917 гг. Автор указывает, что в рамках этой деятельности власти принимали нестандартные решения, стремясь учитывать интересы всех конфликтующих сторон.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Воронежская губерния, полиция, жандармское управление, забастовка, рабочий вопрос.

STRAKHOV L.V.,
Postgraduate Student of the Department of Russian History,
Voronezh State University

THE POLITICAL POLICE AND WORKERS' STRIKES AT VORONEZH FACTORIES DURING THE FIRST WORLD WAR

ABSTRACT: The article is devoted to the police response to labour troubles in the Voronezh governorate in 1914–1917. The author points out that the authorities attempted to navigate conflicts and accommodate the interest of all parties.

KEY WORDS: Voronezh governorate, police, gendarmeservice, industrial action, labour issue.

Одной из важнейших задач политической полиции Российской империи в годы Первой мировой войны являлась борьба с забастовками на оборонных предприятиях. Требование обеспечить бесперебойный выпуск военных товаров наряду с поддержанием общественного порядка и внутривластной стабильности заставляло органы Департамента полиции (ДП) и Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) контролировать изменения настроений рабочих и пресекать любые попытки выступлений. Работа воронежских властей в этом направлении представляет значительный интерес, так как показывает пример принятия взвешенных решений, далеко не ограничивавшихся репрессивными мерами. Ее анализу посвящена данная статья.

Исследователи полицейской истории Российской империи часто обращают внимание на деятельность правоохранительных структур в годы Первой мировой войны. С.И. Бойко, А.В. Перегудов, Д.А. Бакшт и другие историки, затрагивая период 1914–1917 гг., пишут главным образом о новых направлениях деятельности жандармерии и охранных отделений: о борьбе со шпионажем, обеспечении безопасности проведения призывных мероприятий, изучении общественных настроений в тылу [1; 2]. Проблема борьбы с забастовками в годы войны остается перспективной в историографии. Определенные выводы по данному направлению исследований содержатся в трудах З.И. Перегудовой, которая показывает, что начиная с 1912–1913 гг. полицейское ведомство фиксировало рост рабочих выступлений, однако видело в этом результат активизации революционных агитаторов и антиправительственной деятельности профсоюзов. В ходе поисков решения проблемы ряд руководителей предложил взять курс

на поощрение конструктивной деятельности профсоюзов, однако эти инициативы так и не были реализованы [3, с. 332, 335]. В.Г. Шамаев указывает на то, что в 1914–1916 гг. ДП неоднократно рассылал по губерниям циркуляры с требованием не допускать забастовок [4, с. 151–153]. Таким образом, авторами намечено общее направление деятельности властей по противодействию рабочим выступлениям, однако вопрос о конкретных действиях полиции в отдельных регионах, в частности в Воронежской губернии, остается открытым.

С 1913 г. в ДП стали поступать донесения о «неспокойном» состоянии рабочих. 3 октября 1913 г. начальник Петербургского охранного отделения сообщил о явных признаках «нарастающей широкой стачечной волны». Отмечалась склонность рабочих к забастовкам даже «по самому малейшему поводу». При этом полиция отчасти признавала свое бессилие изменить ситуацию. Автор донесения констатировал, что в условиях роста протестных настроений, характеризующих начальником охраны как «психоз», «ликвидация профессиональных организаций может только ускорить взрыв забастовочного движения» [3, с. 332].

В начале Первой мировой войны воронежские власти получили строгое распоряжение правительства сохранять общественный порядок. В середине июля 1914 г. Министр внутренних дел предписал губернаторам «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок и покушений на целостность заводов, выполняющих военные заказы» [5, л. 42]. О недопущении забастовочного движения местных жандармов предупреждали и высшие полицейские власти. Об этом гласят циркуляры ДП: от 13 июля 1915 г., 6 мая 1916 г. и 20 декабря 1916 г. [4, с. 151–153].

Информация для связи с автором: StrakhovLeo@yandex.ru

Воронежское губернское жандармское управление (ВГЖУ), Жандармское полицейское управление железных дорог (ЖПУ ж.д.), общая полиция пристально следили за настроениями рабочих. Для этого полиция имела агентурную сеть осведомителей среди рабочих и служащих заводов. В 1915 г. и вовсе подавляющее большинство тайных агентов освещали настроения на оборонных предприятиях города [6, л. 3 об.].

Власти получали оперативную информацию о возможных конфликтах между рабочими и администрацией. При этом полиция стремилась не доводить до забастовок и прекращения работ, стараясь своевременно предупреждать рост числа недовольных. На это указывает ряд примеров. В ноябре 1915 г. агентура сообщила, что на заводе Столля прекратил работать кузнечный цех, в котором из-за недостаточности энергии от сжигания угля остановились кузнечные молоты. Недовольные простоявшие рабочие, получающие сдельное жалование, потребовали перевести их на поденную оплату труда и после отказа со стороны администрации уволились с предприятия. Чтобы исключить повторение подобных ситуаций, начальник ВГЖУ направил запрос губернатору и фабричному инспектору с просьбой распорядиться принять на заводе нефтяное топливо, что и было сделано. В декабре 1916 г. жандармы выяснили, что заводские продуктовые лавки на предприятии Столля работают не всегда, в результате чего рабочие остаются весь день голодными. По требованию властей заводская администрация решила эту проблему [7, л. 43, 50].

В октябре 1915 г. ДП поставил задачу воронежским жандармам проверить степень политической благонадежности каждого рабочего оборонных заводов губернии [8, л. 5]. К декабрю ВГЖУ проделало огромную работу, собрав 1200 справок о мастерах [9]. Несомненно, целью этого была изоляция возможных зачинщиков выступлений, однако выявленные неблагонадежные элементы не подвергались репрессиям до обнаружения конкретных фактов нарушения законов. В сентябре 1916 г. начальник ВГЖУ В.И. Дацевич ходатайствовал перед губернатором о выдворении за пределы Воронежа слесаря завода Столля К.П. Тимофеева-Донского, высланного ранее из столицы за призыв рабочих Путиловского завода к забастовке. Однако губернатор отказал, сославшись на распоряжение МВД применять репрессии к ссыльным только в случае их неправомерного поведения в местах ссылки. Не имея права преследовать лиц данной категории, полиция информировала о них администрацию заводов. Хватало малейшего повода, чтобы такое лицо увольнялось с предприятия или даже подвергалось преследованию властей. В октябре начальник застал нескольких рабочих в бездействии, они остановили станки и сидели в цеху в верхней одежде. На требование объясниться они ответили ему, что греются. Поскольку среди рабочих находился К.П. Тимофеев-Донской, его обвинили в подстрекательстве и 19 октября 1916 г. уволили. Выслан за пределы губернии рабочий не был лишь потому, что сам уехал в Нижний Новгород до того, как власти успели подготовить необходимые документы [10, л. 1–3, 11–12].

В ВГЖУ находились списки лиц с «темный» прошлым, которые участвовали в выступлениях 1905–1907 гг. Отбыв свои сроки наказаний, они возвращались к мирной жизни и устраивались на заводы. По закону им нельзя было отказать в трудоустройстве за «революционное» прошлое. Но ВГЖУ их не забывало. К декабрю 1916 г. на заводе Столля работало 28, на воронежском трубочном

заводе – 31, на литейном заводе Иванова – 6, на заводе «Рихард-Поле» – 12 человек данной категории [11, л. 19–32].

Таким образом, среди полицейского руководства и губернской администрации росло понимание необходимости применения превентивных мер при обнаружении признаков недовольства рабочих. Однако избежать забастовок на оборонных предприятиях Воронежа не удалось.

В 1914–1916 гг. произошло 13 забастовок: 2 – на заводе Столля (в июле 1914 г. и ноябре 1915 г.), 4 – на трубочном заводе (в июле и декабре 1915 г., в начале и конце января 1916 г.), 3 – в воронежских (в июне 1915 г., феврале и июле 1916 г.) и 4 – в отрожских железнодорожных мастерских (в июне 1915 г. и три в октябре 1916 г.). Все эти предприятия выполняли военные заказы. Трубочный завод изготавливал дистанционные трубки к шрапнельным снарядам и являлся третьим по масштабам данного производства в стране после заводов Петрограда и Самары [12, л. 22]. Железнодорожные мастерские, хотя и занимались в первую очередь выпуском и ремонтом вагонов, обслуживанием паровозов (что само по себе немаловажно в военное время), тоже выполняли оборонные заказы: делали штыки, элементы снарядов и др. [13, л. 22]. Поэтому остановки производства на этих предприятиях, к чему неизбежно приводили забастовки, являлась крайне нежелательной для властей.

Основной причиной рабочих выступлений в Воронеже стало падение уровня жизни, вызвавшее требование повысить оплату труда. Забастовки носили экономический характер, продолжались чаще всего 1–2 дня и не сопровождались никакими политическими требованиями и беспорядками. Лишь в одном случае акция признана политической. 12 июля 1914 г. произошла забастовка на заводе Столля, в которой участвовало 500 человек. Рабочие пели революционные песни, высказывались в поддержку бастующим Петербурга и Баку, что и послужило причиной признания выступления политическим. С понедельника 14 июля работы на заводе возобновились [14, л. 4].

В двух случаях экономические требования сопровождались настоянием уволить ненавистных начальников. По заверению рабочих, оба начальника являлись немецкими шпионами, однако жандармам удалось установить подлинные причины неприязни. Инженер Дамм, убрав которого потребовали рабочие воронежских железнодорожных мастерских в ходе забастовки 22 июня 1915 г., был слишком строгим руководителем. Требование увольнения мастера Гесса звучало во время трех забастовок на трубочном заводе, пока оно не было исполнено администрацией в начале января 1916 г. [12, л. 7]. Ненависть к «немцу» (на самом деле уроженцу Сувальской губернии [15, л. 1]) вызвала заносчивость последнего и грубое отношение к рабочим. Также на своей должности Гесс заменил пользовавшегося авторитетом мастера Фомичева, уволенного, по мнению мастеровых, несправедливо [12, л. 41]. Эти примеры показывают, что обвинения в шпионаже зачастую служили лишь поводом к сведению личных счетов.

В конце января 1916 г. из-за очередной экономической забастовки на трубочном заводе мастерам не приступали к работам. 23 числа предприятие закрылось с увольнением всего персонала по причине окончательного выхода из товарищества Столля и перевода в государственную собственность. Рабочие восприняли эту меру как наказание за забастовки, хотя администрация подобного не

подразумевала. 1 февраля бывшие сотрудники вернулись на свои места [12, л. 52].

Жандармы выяснили, что на заводе работали беженцы из других губерний, подстрекавшие местных жителей к забастовкам. После вышеизложенных событий рабочие настолько охладели к агитаторам, что последним из-за угроз побоев и выдачи полиции пришлось бежать из города [7, л. 117]. Других примеров подстрекательства к забастовкам посторонними лицами воронежские власти не зафиксировали.

В одном случае жандармы заранее знали о планах организации выступления. 5 июня 1915 г. начальник Воронежского ЖПУ ж.д., основываясь на агентурных сведениях, уведомил губернатора Б.Г. Петкевича о подготовке рабочими железнодорожных мастерских Воронежа и Отрожки забастовки в связи с «непомерным вздорожанием жизни». Несмотря на предупреждения со стороны жандармов, превентивные меры не увенчались успехом, и утром 22 июня рабочие воронежских мастерских прекратили работу, а на следующий день забастовали отрожские вагоноремонтники. Ситуация накалилась до того, что губернатор запросил у начальника воронежского гарнизона две роты солдат для подавления возможных беспорядков. Войска не пригодились, а 26 июня мастеровые приступили к работе [16, л. 1–10].

Во время следствия жандармы самым внимательным образом подошли к изучению причин забастовки. В частности, были собраны справки о средних суточных доходах рабочих, в ходе анализа которых начальник ВГЖУ признал требования бастующих отчасти обоснованными. Руководствуясь рекомендациями жандармов, воронежский губернатор просил чиновников ДП оказать давление на железнодорожную администрацию, чтобы было повышено жалование рабочим. После этого дирекция пошла на уступки. Пример показывает, что в военное время в ходе расследования забастовки на оборонном предприятии офицер политической полиции фактически поддержал позицию рабочих. Особую заботу о тружениках проявлял начальник Воронежского отделения ЖПУ ж.д. подполковник Глотов, глубоко вникавший в положение людей, знавший

их чаяния и умевший в нужный момент успокоить, отговорить от выступления.

В январе 1916 г. рабочие воронежских железнодорожных мастерских потребовали повышения заработной платы. Глотов порекомендовал администрации завода уступить до начала забастовки, так как впервые с 1905 г. в Воронеже рабочие после заявления требований не прекратили работ. 23 января подполковник ЖПУ ж.д. отговорил мастеровых бастовать, однако только после того, как с 20 по 21 февраля мастеровые все же не вышли на завод, начальство пообещало увеличить оплату труда. На следующий день после данного решения рабочие вернулись к станкам [17, л. 1, 3 об., 6, 12 об.].

Поражает мягкость реакции властей на все эти события. После признанного политическим выступления 12 июля 1914 г. лишь пятерых зачинщиков отправили в двухлетнюю ссылку [18, л. 51]. В ходе расследования по фактам протестов 22 и 23 июня 1915 г. в воронежских и отрожских железнодорожных мастерских 38 мастеровых подверглись административному аресту на 7 суток, а выявленные зачинщики – Гуров и Свистунов – были арестованы на полтора месяца [12, л. 11 об.]. Серия забастовок в декабре 1915 г. – январе 1916 г. на трубочном заводе привела к тому, что ВГЖУ произвело обыски у 10 рабочих, арестовало 7 из них. В феврале 5 рабочих были высланы из Воронежа [19, л. 133]. В отношении двоих – Зеленцова и Лаконина – было возбуждено дознание (первое уголовное дело по факту забастовки на оборонном предприятии), но 19 августа 1916 г. его прекратили за отсутствием улик [17, л. 40, 45]. По поводу остальных рабочих выступлений следствие не проводилось вообще.

Таким образом, в Воронеже в годы Первой мировой войны на оборонных предприятиях, выполнявших определенные военные заказы, произошла серия непродолжительных забастовок, вызванных экономическими требованиями и не сопровождавшихся беспорядками. Реакция местных властей на эти выступления была мягкой, а иногда жандармские офицеры вовсе признавали требования бастующих справедливыми и содействовали их удовлетворению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бойко, С.И. Казанское губернское жандармское управление в годы Первой мировой войны: о некоторых направлениях деятельности [Текст] / С. И. Бойко // Научно-практический ежегодник Запад-Восток. – 2014. – № 7. – С. 26–34.
2. Перегудов, А.В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны [Текст] / А.В. Перегудов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 109–115.
3. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880–1917). – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / З.И. Перегудова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 519 с.
4. Шамаев, В.Г. Во имя спокойствия и безопасности Державы: страницы истории службы государственной безопасности Воронежского края [Текст] / В.Г. Шамаев. – Воронеж: ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 606 с.
5. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1371.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 316. – Д. 1, ч. 16, л. Д. (1915 год).
7. Государственный архив общественно политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 251.
8. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1517.
9. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1515.
10. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2205.
11. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 419.
12. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 124. – Д. 14, ч. 2.
13. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1143.
14. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 123. – Д. 14, ч. 2.
15. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2036.
16. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 2037.
17. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 125. – Д. 14, ч. 2.
18. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 1993.
19. ГАВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1254.